

ВИКТОР СУСАК,

магистр истории, ассистент кафедры истории и теории социологии Львовского национального университета им. Ивана Франко

Патернализм

Abstract

The paper presents theoretical and operational interpretations of the concept of paternalism in a broad comparative perspective. A special attention is focused on the role of paternalism within the “liberalism/conservatism” dichotomy. Moreover, in the context of contemporary debates the author raises a question about forms and content of paternalism as the traditional society’s phenomenon within the realities of modern, industrial and postmodern, postindustrial society. There is a high probability that a qualitatively new background for the presence of paternalism in the system of social relations in contemporary societies will be formed.

“Патернализм” относится к тем -измам, которые социологи активно используют в научных дебатах, однако это понятие пока не получило должной теоретической и операциональной интерпретации. Эта статья представляет собой попытку восполнить существующий пробел.

В наиболее обобщенной и универсальной форме термин “патернализм” (от лат. *paternus* — отцовский) обозначает социальные отношения, в пределах которых доминирующий партнер берет на себя определенные установки и наборы практик, предполагающие опеку над теми, кто ему подчинен [1, с. 481]. Для характеристики подобного типа связи между высшими и низшими в социальной иерархии используют модель семьи, которая предполагает существование *агента* — определенной главенствующей фигуры/определенной патерналистной структуры (условно — “отца”), который вмешивается в жизнь *подчиненных* (условно — “детей”) в форме принятия управленческих решений от их имени ради их блага (например, обеспечение должного уровня и безопасности жизни, морально-психологического комфорта). Такой тип взаимоотношений между агентом и подопечными ограничивает свободу последних с одновременным акцентом на их обязательствах. Агентом может

быть определенный институт (например, государство, Церковь), та или иная институция (например, школа, военное училище для подростков), отдельное лицо или группа лиц (например, родители, владелец или руководитель предприятия) и т.п. Патернализм предполагает, что агент обладает достаточным опытом и знаниями, чтобы принимать более мудрые решения, нежели те, кого он опекает. Патерналистское вмешательство может происходить с согласия объектов вмешательства или вопреки их желанию, их системам ценностей и моделям поведения. Патернализм является контрверсионным социальным феноменом, поскольку по своей конечной цели имеет благотворительный характер, а по формам — в основном принудительный. Гендерно нейтральным аналогом термина “патернализм” является “парентализм” (от англ. *parent* — один из родителей без различения пола).

Использование модели семьи для объяснения социальных отношений было и остается достаточно распространенной интеллектуальной традицией среди философов и ученых прошлого и современности. Такой подход в интерпретации взаимоотношений между представителями разных общественных групп берет начало в трудах древнекитайского мыслителя Конфуция (VI–V века до н.э.), древнегреческих философов Сократа, Платона и Аристотеля (V–IV века до н.э.), а также в работах Плутарха (I–II века) — древнегреческого писателя и историка. Например, Конфуций считал, что ребенок должен подчиняться родителям, младший брат — старшему, женщина — мужчине, подданный — монарху, отцу нации. Государство, организованное по принципу семьи, он воспринимал как наиболее гармоничную, упорядоченную и естественную форму управления обществом. Позже это распространилось на принципы организации международных отношений (скажем, император Китая воспринимался как старший брат корейского монарха). Конфуцианская теория семьи до сих пор является составляющей идеологии Северной Кореи, в частности обоснование перехода власти от отца к сыну и т.п. [2]. Сократ и Платон в рамках разрабатываемой ими политической философии предложили парадигму государства, построенного по модели семьи (так называемое государство-семья), отражавшую принцип макрокосма/микрокосма — низшие уровни реальности отображают верхние и наоборот [3, с. 68–71]. В своих трудах Аристотель подчеркивал, что древнегреческий полис, город-государство, является естественным завершением человеческого бытия: он зарождается в среде родовых сообществ, из которых формируются села, которые потом объединяются в города. По его мнению, в семье кроются корни общественных отношений, а город-государство — их цветок [3, с. 134–138]. В свою очередь, Плутарх усматривал отражение института семьи в том, как было организовано управление обществом у дорийцев Крита и Спарты [4, с. 65]. В истории интеллектуальной мысли известны также случаи противоположного моделирования, когда семью рассматривали как миниатюрное государство. Так, Л. де Бональд писал, что в патриархальной семье отец является властями, мать — министром, выполняющим волю властей, а ребенок — подданный этих властей. Если отец “активный и сильный”, а ребенок “пассивный и слабый”, то мать занимает промежуточную позицию, сохраняя пропорцию во взаимоотношениях между всеми тремя. По принципу взаимосвязи между микрокосмом и макрокосмом автор рассматривал развод в семье по аналогии с первой фазой беспорядка в государстве [5, с. 44–46, 88–89].

Аналогию “отец-ребенок” использовал М.Вебер для моделирования такой традиционной патримониальной политической власти, то есть распространения власти хозяина над его домашним хозяйством (патриархат) на стиль администрирования в отношении всех объектов собственности на его территории. При этом подчиненные демонстрируют лояльность и послушание по отношению к патриарху в ответ на протекцию с его стороны и защиту от врагов [6, с. 104–106]. Э. фон Кенельт-Леддин усматривал связь между монархией и семьей в христианском обществе. В своем фундаментальном труде “Свобода или равенство” (1952) он противопоставляет монархию демократии и приводит свои аргументы в пользу монархии. Он утверждал, что негативные последствия неминуемого социального неравенства лучше сглаживаются в монархических странах, чем в демократических. Монархии не базируются на власти партии или партий, а потому “органично вписываются в духовную и семейную модели христианского общества” [7]. Дж.Лаккофф утверждал, что деление на либеральный и консервативный спектры в политике отражает различия в восприятии идеи семьи. Для сторонников консервативной идеологии идеалом является патриархальная семья, основанная на твердых моральных принципах отца, на его строгости и требовательности к детям. Для приверженцев либеральной идеологии идеалом служит мягкая модель отцовства, где господствует любовь между членами семьи, а воспитание имеет форму интерактивного, демократичного по своему содержанию обучения. В итоге — в либерально-консервативном противостоянии взгляды оппонента являются не только безнравственными, но и непонятными, поскольку они нарушают глубоко усвоенные представления о нравственности личности в сфере семьи [8; 9].

Организация жизни современного общества по модели семьи получила углубленное теоретическое обоснование и активное воплощение на практике в США в 1920-х годах в период глубокой экономической депрессии. Таким образом обосновывалась возможность достижения “общественного мира” путем “социального партнерства” и “социального патронажа”. Эта доктрина была призвана укоренить в сознании граждан США веру в то, что управленческая фигура (отдельный индивид — президент, хозяин, управляющий, менеджер; социальный институт или организация — государство, его органы, руководящая партия и т.п.) заботится не только о собственной выгоде, но и об интересах людей, обеспечивает удовлетворение их потребностей. Реальное воплощение этой доктрины на практике было одним из факторов, способствовавших выходу американского общества из состояния глубокого кризиса; в частности, снизилась напряженность во взаимоотношениях между руководителями и подчиненными, сформировалась лояльность граждан к действующей системе общественных отношений [10, с. 250–251]. Следует отметить, что восприятие американцами себя как принадлежащих к “одной большой семье” (несмотря на значительные отличия друг от друга) до сих пор остается весьма характерной особенностью ментальности граждан США [11].

Патернализм как форма организации отношений между высшими и низшими в социальной иерархии явился неотъемлемой и органичной составляющей традиционного (домодерного) общества, основой которого была патриархальная семья. На принципах патернализма функционировали такие традиционные типы власти, как патриархализм, патримониализм,

султанизм и феодализм [6, с. 104–106]. Волна буржуазных революций XVII–XVIII веков послужила толчком к началу процессов реформирования и модернизации традиционных обществ. В то время зародилась новая идеология — либерализм как оппозиция к любой форме политического абсолютизма — монархизму, феодализму, клерикальной или военной диктатуре. Основной идеей либерализма стало размежевание публичного мира, с одной стороны, и индивидуального мира человека — с другой, а принципиальной доктриной — отстаивание права человека на свободу мысли и действия [1, с. 361–362]. В связи с этим приверженцы либерализма активно выступили против патернализма, который с тех пор стал ассоциироваться с идеологией консерватизма — системой взглядов, основанной на приоритете преемственности и традиции перед инновациями, на признании незыблемости природного порядка в общественных отношениях, Богом данной иерархичности человеческого сообщества, господства моральных принципов, лежащих в основе семьи, религии, распределения собственности и т.п. [10, с. 165].

Дж.С.Милль — английский философ и политолог, выдающийся теоретик либерализма XIX века — в своем фундаментальном труде “О свободе” (1859) изложил концепцию свободы в контексте природы власти, которая, с его точки зрения, должна лишь частично ограничивать индивидов как членов определенного общества. На этом основании он развил известный “принцип вреда” (*harm principle*), согласно которому члены того или иного общества должны быть абсолютно свободными в своем поведении до тех пор, пока они своими действиями не вредят другим. Дж.С.Милль утверждал, что “единственной конечной целью, ради которой вмешательство человеческой общности в свободу действий какого-либо ее члена или любых ее членов может быть оправданным, является самозащита этой общности. Единственная цель, ради которой власть может правомерно применить свою силу в отношении любого члена цивилизованной общности против его воли, является предотвращение нанесения вреда другим. Обеспечение его собственного блага — морального или физического — не является достаточным основанием для такого рода действий власти. Его нельзя заставить делать или не делать чего-то, поскольку лучше всего для него — действовать по своему усмотрению; только так он будет чувствовать себя счастливым... Ответственность перед обществом присутствует только в тех действиях любого человека, которые касаются других. В тех действиях, которые касаются его самого, его независимость, несомненно, является абсолютной. По отношению к самому себе, своему телу или своему сознанию индивид является суверенным” [12, с. 13]. Отстаивая права личности на свободу мыслей и действий, Дж.С.Милль подчеркивал, что речь идет о свободе, базирующейся на добровольности в принятии решения действовать тем или иным образом. При этом автор считал, что человек действует добровольно только тогда, когда выбор действия (а) не будет отвергнут при условии, что он учтет все возможные непредвидимые последствия; (б) когда он не обусловлен эмоциональной оценкой проблемы, которая может затмить рациональный выбор; (в) когда выбор сделан не под влиянием внешнего принуждения [13, с. 482]. Кроме того, Дж.С.Милль исключил несовершеннолетних и “варваров” из когорты тех, кто может сам отвечать за собственные действия. Вместе с тем он утверждал, что определенные проявления непосредственности в

поведении, приемлемые в частной жизни, должны быть запрещены в публичной жизни, например осуществление полового акта [12, с. 14]. Таким образом, свобода в концепции Дж.С.Милля является, по определению И.Берлина, так называемой негативной свободой, реализуемой, когда отсутствуют препятствия, ограничения и принуждения или же они минимизированы в своем потенциале. Контрастом к этому выступает концепт “положительная свобода”, интерпретируемый как потенциал к действию, когда созданы условия для свободы в виде материальных ресурсов, доступа к образованию, возможностей для политического участия и т.п. [14]. Начиная с XIX века идеология либерализма служит основанием для деятельности многих партий либерального направления, продолжающих играть активную роль в современной общественно-политической жизни.

Параллельно с классическим либерализмом развитие получило его ответвление — либертарианизм, близкий к современной форме либерализма — неолиберализму с максимизацией прав личности, минимизацией роли государства и защитой свободной рыночной экономики. Его современными идеологами являются американские теоретики — философ Р.Нозик и экономист Ф.Хайек. Последний утверждает, что идеальным симбиозом экономики и политики является “каталаксия” (catallaxy) — произвольная организация, подобная свободному рынку. В ее среде межличностные отношения моделируются на основании обменов по типу рыночных. Роль власти ограничена обеспечением общего порядка и реализацией тех публичных услуг, на предоставление которых требуются крупные капиталовложения. Основным результатом такого социального порядка является плюрализм личностных и общественных ценностей [1, с. 362–363]. Эти и некоторые другие авторы утверждают, что именно либертарианизм является точной антитезой патернализма.

Современный консерватизм имеет два ответвления, базирующиеся на двух противоположных интеллектуальных традициях, — “органистический” и “либертарианский” консерватизм. Первый уходит корнями в древние времена, идеи традиционного общества, основывающегося на замкнутых локальных общинах, на стабильной социальной иерархии, в которой позиции индивидов продиктованы скорее тем, что они получили от рождения, нежели личными достижениями. “Органистический” консерватизм опирается на патернализм со стороны современных аристократов по отношению к бедным, на сеть взаимных прав и обязательств между хорошим хозяином и почтительным наемным работником. “Органистический” консерватизм отстаивает идею, согласно которой нация — это единая и неделимая общность. “Либертарианский” консерватизм опирается на идеи Э.Бурке — английского теоретика политики XVIII века, который отдавал приоритет политике невмешательства, нерегулируемому капитализму и т.п. Консерватизм подобного рода ставит ударение на свободе автономных друг от друга индивидов в сочетании с господством социальной справедливости и политики, обеспечивающей устойчивое коллективное благополучие (social welfare politics) [1, с. 107].

Во второй половине XX века в интеллектуальной среде активизировались дискуссии по поводу разных аспектов патернализма. Например, каковы социокультурные условия и причины возникновения патернализма, в том числе экономического? Что может быть надежным и обоснованным

фундаментом для легального и легитимного патернализма в демократическом обществе? Должны ли патерналист или антипатерналист обосновывать мотивы/причины своих действий? В какой мере человек имеет право на автономию в своих действиях в открытом гражданском обществе? Что означает уважать индивидуальный мир других? Каким должен быть рациональный баланс между заботой о благополучии других и уважением их права быть полностью ответственными за собственные решения и действия?

Наиболее известными в то время разработчиками принципиальных тезисов в контексте изложенных выше вопросов считаются американский ученый Г.Дворкин, Дж.Годсон и Дж.Файнберг. Прежде всего они уделяли много внимания проблеме легитимного патернализма как основания социальной политики государства. Г.Дворкин предложил расширить его понимание по сравнению с узкой интерпретацией Дж.С.Милля, базирующейся на “принципе вреда”, о котором уже говорилось выше. Дело в том, что при определенных обстоятельствах патернализм может быть оправдан и в таких ситуациях, как оберегание человека от нанесения ущерба себе, помощь в достижении материальных благ и поддержание устойчивого благополучия, обеспечении надежного морально-психологического комфорта [15, с. 191–198].

В 1971 году Г.Дворкин писал: “Под патернализмом я буду понимать нечто наподобие вмешательства в свободу личности действовать по собственному усмотрению. Это вмешательство мотивируется только аргументами, касающимися благополучия, добра, счастья, потребностей, интересов или ценностей человека, подвергающегося принуждению” [16, с. 108]. Ограничение свободы человека, цель которого имеет настолько широкие основания, очерчивается термином “твердый” патернализм (англ. — *hard paternalism*). Его основными признаками, как считает исследователь, являются следующие:

1. А действует патерналистически по отношению к Б, если действие А является ограничением автономии или свободы Б.
2. А действует патерналистически по отношению к Б, если А действует с целью предотвратить определенный ущерб от Б или же принести определенную пользу для Б.
3. А действует патерналистически по отношению к Б, если А действует вопреки сиюминутным предпочтениям, решениям или ценностям А (или независимо от них) [17, с. 564].

Дж.Ходсон, в свою очередь, отмечал, что очерченное выше патерналистское поведение агента может быть оправданным только тогда, когда:

- а) имеются четкие доказательства того, что решение подчиненного лишено обоснованности, рациональности;
- б) имеются четкие доказательства того, что подчиненный будет настроен одобрить вмешательство в сферу его свободы [18, с. 65–67].

Иначе говоря, единственным оправданием для “твердого” патернализма, по мнению Г.Дворкина, является помощь человеку в формировании и развитии его способности к принятию решений и выполнению действий *на рациональных основаниях* [19, с. 184]. То есть, как считает автор, патернализм допустим только в тех случаях, когда человек, подвергающийся принуждению, добровольно соглашается на те ограничения, которые, по его мнению, рациональны. Это означает, что, ограничивая действия человека в определенных

конкретных ситуациях, такой патернализм сохраняет широкий уровень свободы личности на длительную перспективу [19, с. 180]. Примером этого может быть запрет государством свободной торговли наркотиками и свободы их использования. Оберегание людей от наркотиков, разрушающих психику, ограничивает их в автономии повседневной жизни, однако сохраняет их психическое и физическое здоровье, что делает их свободными в выборе важных проектов, выгода от которых формируется в перспективе.

Со своей стороны Дж.Файнберг оппонировал как Дворкину и Ходсону, так и Миллю. Отрицая оправданность любого ограничения свободы человека, какими бы ни были аргументы касательно обеспечения его будущего блага, автор также считал, что следует минимизировать и основания “принципа вреда”. Речь идет о том, что даже в случае, когда действия человека являются угрожающими для других, “государство имеет право противодействовать эгоистически вредному поведению только тогда, когда это поведение действительно не является добровольным, или когда временное вмешательство необходимо, чтобы установить, является ли поведение добровольным” [20, с. 113]. Добровольность поведения, по мнению автора, должна основываться на свободном ее выборе, не ограниченном никакими факторами, то есть “когда налицо полная осведомленность обо всех касающихся этого фактах и случайных обстоятельствах, когда глаза широко открыты, когда исключено любое принуждение и давление. Нужны покой и умеренность, без всяких отвлекающих или вызывающих дисбаланс эмоций, без невротических принуждений, без непониманий. В той мере, в какой существуют принуждение, дезинформированность, состояние возбуждения или импульсивность, упоминание (например, под действием алкоголя), несовершеннолетие, психические дефекты в развитии, в той же мере выбор отдалается от чистого волюнтаризма/полнейшей свободы” [20, с. 110–111]. В контексте дискуссий о свободе действий и свободном выборе Дж.Файнберг уделял много внимания вопросу моральных ограничений уголовного права. В четырехтомной работе, посвященной этой проблеме (1984–1988), он разрабатывал вопросы реальной сущности таких феноменов, как “вред для других”, “оскорбление для других”, “вред для себя”, “безвредный ошибочный поступок” [21–24].

Здесь необходимо заметить, что несмотря на различия между Дворкиным, Ходсоном и Файнбергом в позициях относительно целесообразности патернализма аргументы этих авторов опираются на теории рационального выбора и утилитаризма. Первая “рассматривает личный интерес индивида как фундаментальный человеческий мотив и определяет все социальные действия на основе рационального расчета и обоснованного принятия решений” [1, с. 546]. Стержнем утилитаризма является принцип удовлетворения желаний индивида, поиска выгоды. Соответственно, наибольшее социальное благо очерчивается как наибольшее удовлетворение для наибольшего количества людей. Сочетание этих двух теорий выразилось в модели социального действия, в рамках которой люди удовлетворяют собственные желания на основе рационального выбора. На основании этого концепция общества выстраивается на признании совокупности атомизированных индивидов, объединенных на принципах согласованности их интересов [25, с. 442–443].

Дж.Файнберг считается одним из авторов концепции “мягкого”, или “либертарианского”, патернализма (*soft/libertarian paternalism*) в контексте проблемы вмешательства в случае “нанесения себе вреда” индивидом, а так-

же, попутно, вопросов способствования личностным жизненным стратегиям. Согласно принципам “мягкого” патернализма, государство имеет право только помогать человеку осуществить выбор по собственному желанию, к тому же лишь в тех случаях, если: а) этот выбор основан на твердой воле и четких намерениях человека, а роль государства заключается в акцентировании возможных опасностей от тех или иных действий для этого человека или для других; б) государство в состоянии определить для индивида возможные направления достижения той или иной жизненно важной для него цели. Таким образом, в отличие от “жесткого” патернализма, базирующегося на запретах, “мягкий” патернализм в своей основе ориентирован на определенную корректировку решений индивида без нарушения свободы выбора [23; 26, с. 175-179]. Примерами “мягкого” патернализма являются предупреждения об опасности от курения табака, напечатанные на сигаретных пачках, или о вредности чрезмерного употребления алкоголя на рекламе последнего. Так, в США в штате Канзас ограничиваются предупреждением об угрозе для жизни в случае езды на мотоцикле без шлема, тогда как в соседнем штате Миссури в той же ситуации надевать шлем обязательно.

В свою очередь, Г.Дворкин также вносит существенные уточнения в свои аргументы, касающиеся расширения границ в обосновании “жесткого” патернализма. Прежде всего он предлагает различать “волевые интересы” и “критические интересы” человека. Первые означают, что человек может желать определенных вещей, не задумываясь над тем, будет ли его жизнь беднее без них. Например, хорошо поесть, как можно реже посещать дантиста, быть умелым штурманом парусника и т.п. Второй тип интересов связан с символами благополучия — скажем, прочные отношения с детьми, успех на работе и т.п. Автор обращает внимание на то, что, с объективной точки зрения, представления людей о критических интересах могут быть ошибочными, нечеткими, неструктурированными, путанными, что касается волевых интересов, то у каждого есть четкое представление о них. Эти два типа интересов могут служить почвой для двух типов патернализма. Первый — “волевой” патернализм — строится на признании того, что любое принуждение помогает людям “достичь того, чего они действительно стремятся достичь”, например, принуждение фиксировать ремни безопасности в автомобилях. Такой патернализм частично противоречит желаниям человека (тот может отказываться делать это, поскольку ему недостаточно комфортно ехать), но не направлен против его убеждений, поскольку каждый хочет жить. Следует заметить, что Г.Дворкин не отрицает обоснованности именно “волевого” “жесткого” патернализма. “Критический” патернализм, напротив, исходит из принципа, согласно которому вмешательство предполагает обеспечение людям лучшей жизни, хотя они могут и не думать так. Впрочем, в таком “критическом” патернализме Дворкин не видит смысла. Он также различает два подтипа “волевого” патернализма: 1) “поверхностный”, заставляющий людей соблюдать правила безопасности, которые не конфликтуют со структурой возможных выборов и возможных преимуществ; 2) “углубленный” — оправдывающий принуждение людей приобщаться к высокой культуре на том основании, что это лучше соответствует интересам всесторонне развитой личности, обеспечивает ей как привилегии, так и удовлетворение в жизни (например, правила поведения в такой среде более изысканы, а восприятие искусства приносит большое наслаждение, если ты подготовлен к этому) [27, с. 617–618].

Помимо изложенной выше дискуссии о пределах обоснованного патернализма, во второй половине XX века активно развивались также принципы различения таких социальных феноменов, как патронаж, патернализм и легальный морализм. В частности, Н.Айберкромби и С.Хилл определяли патронаж как непосредственный обмен покровительства и услуг между определенными лицами в рамках конкретных ситуаций. Патернализм как коллективная форма общественных отношений, напротив, предполагает риторику в плане личностных обязательств, хотя на самом деле речь идет о коллективных реалиях, нормах поведения и т.п. При этом отнюдь не обязательно общение с глазу на глаз патерналиста и подопечных; личностные обязательства представляют собой составляющую организационной системы руководства—подчинения, элемент нормативной структуры социальных отношений. Патронаж — это всегда общение с глазу на глаз, а взаимоотношения между патроном и клиентом скорее индивидуальные, нежели коллективные. Между тем патернализм можно рассматривать как феномен (в частности, культурный), охватывающий стиль функционирования многих институтов; как доминирующую форму экономической организации; наконец, как стратегический институт, определяющий общественный строй в целом, что наблюдается, например, в современной Японии. Патронаж не может быть общераспространенным социальным феноменом. Он заполняет функциональный пробел в социальном организме и компенсирует незащищенность индивидов. Патронаж обычно господствует там, где есть недостаток формальной институциональной упорядоченности; он наблюдается также в тех обществах, где институциональный каркас недостаточно развит или неэффективен. Однако патронаж не имеет достаточных ресурсов для превращения в самостоятельный институт, но в определенных случаях может препятствовать развитию более формальных институтов. Впрочем, он может встречаться и в развитых общностях — там, где формальным институтам недостает потенциала для урегулирования отношений между людьми. Патронаж образуется в “слабых” местах институциональных структур. Патернализм, если он существует, то обычно охватывает все аспекты жизни подчиненного человека, тогда как патронаж оказывает частичное, контекстуальное влияние. Эти авторы не отрицали, что и патернализм, и патронаж в большей мере характерны для до-модерных обществ, но патернализм может адаптироваться и стать совместимым с основными принципами современного общества, а патронаж всегда находится в оппозиции к последнему. Например, тенденция фабричного патернализма к нивелированию личностных особенностей рабочих и стандартизированного урегулирования взаимоотношений между ними и руководителями фабрик способствовала развитию “обеспеченного корпоративизма”, то есть патернализм может опираться на принципы, совместимые с современной индустриальной системой. Коллективный характер взаимоотношений внутри патерналистских предприятий может послужить отправным пунктом трансформации в сторону развитого индустриализма. Патернализм необязательно является оппозицией к принципам “достижения”, поскольку он регулирует взаимоотношения от самого их старта и в течение всего периода их существования. Доступ к этим взаимоотношениям может быть результатом либо “достижения”, либо “аскрипции” — все зависит от специфической ситуации. Что касается патронажа, то он существует там, где современный институт не в состоянии регулировать социальную жизнь в соответствии с легально-рацио-

нальными критериями, и основывается прежде всего на “аскрипциях” [28, с. 414–416].

Патернализм также следует отличать от легального морализма, заключающегося в запрете определенных действий со стороны человека, даже если они не несут угрозы другим или этому человеку, но противоречат определенным моральным нормам и ценностям [29, с. 336]. Например, в некоторых ночных клубах в США распространена азартная игра по метанию карликов — выигрывает тот, кто дальше всех бросит человека маленького роста. Карликов одевают в шлемы и защитные жилеты, и действие происходит в помещении, застеленном мягкими матами и с добровольного согласия объектов метания. Их участие в игре в качестве орудия для метания щедро оплачивается. Запрещение такой азартной игры по моральным соображениям считается легальным морализмом.

В современном мире имеют место и глобальные измерения патернализма. Большие экономически развитые государства заботятся о малых или слабо развитых (например, США так относится к странам Восточной Европы). Бывшие империи протезируют свои бывшие колонии, например Португалия — Восточный Тимор. Деятельность Международного валютного фонда часто интерпретируется как патерналистская, скажем, когда эта структура навязывает определенный курс акций тому или иному правительству, даже если это приводит к негативным краткосрочным последствиям; а аргументируется это тем, что в долгосрочной перспективе с этого будут хорошие дивиденды.

В целом нужно отметить, что в современном постмодерном, постиндустриальном обществе не затухают дебаты по поводу разных аспектов патернализма и свободы личности. Наряду с отстаиванием или критикой изложенных выше “принципов вреда” Дж.С.Милля, а также основ рационального выбора и утилитаризма, которые разрабатывали Г.Дворкин и Дж.Файнберг в поисках основ легитимации патернализма, аргументы *pro et contra* последнего выдвигаются на значительно более широких теоретических и концептуальных основаниях. Итак, современные дебаты разворачиваются главным образом вокруг следующих тезисов:

- Связь между патернализмом и свободой не является прямой. Например, патерналистское действие агента не всегда ограничивает свободу подчиненного, а также не каждое ограничение свободы является патерналистским.
- Люди не могут быть полностью свободными в принятии решений и в своих действиях даже в тех случаях, когда своими поступками они никому не угрожают. Практически никто из них не имеет достаточного потенциала для комплексной и рациональной оценки всех позитивных оснований или возможных негативных последствий того или иного решения. В таких условиях люди нуждаются в помощи в той или иной форме — либо создания соответствующих условий для принятия обоснованных решений, либо советов, либо предоставления объективной информации и т.п.
- Согласие людей на опеку не всегда отвечает тем ценностям, которых они придерживаются. Очень часто это ритуал, не подкрепленный реальными системами самоидентификации тех, чью свободу ограничивают.

- В вопросе отказа от патернализма со стороны подчиненных или их согласия на опеку со стороны агента важную роль может играть *иррациональный стимул*, в том числе и эмоционально окрашенный.
- Целесообразность или нецелесообразность патернализма можно оценивать по его последствиям, то есть на основе теории *консеквенциализма*. Если, например, патернализм может приносить больше добра, чем вреда, то это будет означать, что патернализм в целом может быть полезным.
- Теоретической и моральной базой для обоснования патернализма может служить *контрактуализм*. Обобщенно это означает следующее: если подчиненные добровольно соглашаются на тот или иной вид патернализма, то в таком случае он вполне оправдан.
- Патернализм может быть оправданным на основании господствующих в том или ином социуме *исторически сформировавшихся культурных моделей*.

Рассмотрим теперь основные позиции в дебатах вокруг изложенных выше тезисов.

Классическое понимание патернализма предполагает, что он всегда ограничивает свободу подчиненного в его решениях и в действиях. Однако Б.Герт и Ч.М.Кальвер считают, что это не совсем так. Они приводят пример с господином *N*, потерявшим много крови в результате автомобильной аварии и нуждающимся в переливании донорской крови, ибо иначе он умрет. Хотя господин *N* принадлежит к религиозной секте, члены которой отвергают акт переливания крови, и информирует врача об этом, тот все же делает переливание, когда пациент теряет сознание. Поскольку он действовал во благо пациента, это, по мнению авторов, образец патерналистского поведения. Другой пример, который приводят Б.Герт и Ч.М.Кальвер, — это врач, который говорит неправду умирающей женщине. Он знает, что ее сына убили при попытке побега из заключения по обвинению в серии насильственных действий и убийств, однако врач утверждает, что с тем все в порядке, а значит, ведет себя патерналистским образом, однако не делает это с целью контроля поведения объекта патернализма, не прибегает к принуждению, не вмешивается в свободу действий человека. Авторы считают, что даже в политической жизни могут быть примеры подобного патернализма: например, власти города принимают решение добавлять в систему водоснабжения вещества, содержащие фтор, что должно уменьшить заболевания кариесом зубов у местных жителей. То есть такое патерналистское поведение контролирует физическое состояние людей, но не их поведение [30, с. 46–47]. С другой стороны, С.В.Шиффрин замечает, что, конечно же, не каждое ограничение свободы является патерналистским. Например, если *A* мешает *B* гулять по улице, тогда имеет место ограничение свободы, но нет патернализма. Эффект патернализма может быть следствием чьей-то пассивности, а не активности. Например, *B* обращается к *A* с просьбой помочь в каких-то хозяйственных делах. *A* отказывается, мотивируя это тем, что когда *B* придется сделать все самому, он приобретет необходимые навыки. Здесь свобода не ограничивается, однако патернализм очевиден. Результатом его должно стать увеличение степени свободы объекта подобного рода патернализма. Своими решениями *A* может создавать все большие возможности для того, чтобы *B* мог самостоятельно обеспечивать свое благополучие. Вместе с тем это может даже привести к ограничению свободы для самого *A* [31, с. 213–214].

Некоторые авторы утверждают, что чистый либерализм в отстаивании свободы как важнейшей ценности человека оперирует этим понятием абстрактно, в отрыве от контекстов реальной жизни. Так, Р.Ривс считает, что в дискурсе классической либеральной мысли есть три узких места.

1. Восприятие мира в черно-белых цветах. Например, штраф за перегруженность автомобиля или повышение цены на бензин, содержащий свинец, неприемлемы со стороны ортодоксальных либералов, хотя в действительности и то, и другое должно предупреждать потенциальный вред — для людей или для окружающей среды.
2. Чистый либерализм не допускает различия между свободами. Скажем, одинаковый вес придается свободе волеизъявления на выборах и свободе курить, злоупотреблять алкоголем или употреблять наркотики.
3. Теоретики либерализма имеют слишком оптимистичные взгляды на способность каждого человека сопротивляться соблазнам, быть целенаправленными, делать наилучший выбор и т.п. В действительности человеку по натуре свойственно проявлять слабоволие, недалковидность, нерешительность, неоперативность, иррациональность, некомпетентность, забывчивость и т.д. Поэтому существует потребность в институтах, в том числе в государстве, в компетенцию которых входит объективная оценка возможных выгод или потерь от определенных действий людей. На основании этих оценок принимаются решения о том, чтобы поощрить субъектов к тому или иному поведению или убедить отказаться от него, более того — о применении санкций, если действие, квалифицированное как вредное, будет осуществлено [32, с. 48].

Вместе с тем одной из самых важных методологических проблем в исследовании патернализма считается поиск эмпирических показателей с учетом того, что общепринятые (как правило, уважительные) ответы/реакции подчиненных по отношению к патерналистским стратегиям их руководителей отражают скорее их поверхностную идентификацию с имеющимся статусом, его условное одобрение, нежели реальную, осознанную самоидентификацию, то есть то, что характеризуется как “обязательное позиционирование людей, лишенных власти” [1, с. 481].

Некоторые исследователи не разделяют мнения Г.Дворкина и Дж.Файнберга о том, что патернализм оправдан только в тех случаях, когда субъект соглашается на те ограничения, которые помогают ему принимать и выполнять собственные решения, базирующиеся на рациональных основаниях и соответствующие утилитарным потребностям индивида. Оппоненты Дворкина и Файнберга отстаивают тезис о том, что ссылка на рациональный выбор не всегда оправдана — будь то в контексте согласия субъекта на опеку или же в контексте его отказа от последней. Скажем, Р.Арнесон считает, что у человека есть право на сознательный выбор иррационального как проявление центральной черты его личности. Он соглашается, что можно считать такой выбор странным, однако утверждает, что не следует его подавлять, поскольку импульсивные, ошибочные, бессмысленные действия тоже имеют право на существование, а значит не обязательно необходимо принудительное вмешательство, чтобы их предотвратить. В связи с этим Р.Арнесон утверждает, что патернализм допустим только тогда, когда: (а) действия человека не точно отражают ценности, которые он себе выстраивает, и (б) его

необоснованный (иррациональный) выбор не лучше, чем обоснованный рациональными соображениями [13, с. 474–488].

В современных дебатах о природе патернализма активно обсуждается тезис о том, что целесообразность или нецелесообразность патернализма должна определяться по его последствиям, то есть на основе теории *консеквенциализма*. В частности, Э.Замир предлагает оценивать эффективность государственного патернализма, а точнее законов, служащих основой для патерналистской социальной политики, с применением экономического анализа, состоящего в измерении уровня благополучия субъектов государственной опеки. Базовый принцип такого подхода заключается в том, что действие или правило считаются эффективными, если сумма выгод, обусловленных ими, превышает сумму затрат на реализацию определенного действия или правила [33, с. 233]. Автор подчеркивает, что подобно каждой консеквенциалистской нормативной теории, экономический анализ эффективности патернализма требует разработки критериев измерения выгод, то есть определения составляющих благополучия людей; иными словами, необходима разработка теории благополучия. Исследователь определяет три основных критерия (субъективное счастье, или удовлетворенность, соответствие выбору и объективные блага), ссылаясь на такие нормативные теории как концептуальную основу для эмпирической оценки благополучия людей:

- *этический гедонизм* — философско-этическое учение, согласно которому наслаждение является высшим благом, целью жизни, предпосылкой субъективного счастья, удовлетворенности, а общая мораль должна способствовать общечеловеческому благу;
- *теория реального выбора*, касающаяся возможностей личного выбора, реальных условий жизни, его ограничений, давлений и т.п.;
- *теория идеального выбора*, делающая акцент на сознательном выборе, осуществляемом на основе рациональных критериев, без внешнего нажима и ограничений и т.п.;
- *теория объективного блага*, согласно которой благополучие означает обладание общепризнанными благами [33, с. 234–235].

Несколько иной ракурс применения теории консеквенциализма к обоснованию государственного патернализма предлагает П.Барроуз. Автор определяет свой подход как *инструменталистский*, исходящий из первичности свободы выбора человека, являющегося объектом патерналистской политики. Утверждение важности такой свободы выбора опирается на следующие аргументы:

- а) последствия индивидуального выбора можно оценить только под углом зрения соответствия их *выгодам*, предполагаемым при осуществлении выбора;
- б) осуществление собственного *выбора* со стороны человека приводит к последствиям, которые в большей мере соответствуют предполагаемым при этом выгодам, чем последствия любого другого процесса принятия решений;
- в) свобода личного выбора важна с точки зрения интересов человека, а с инструменталистской точки зрения такая свобода является первой предпосылкой последствий, ценность которых превышает ценность последствий любых других процессов принятия решений.

Соотношение очерченных выше аргументов автор характеризует в терминах единства “предпочтения–выбора–ценности” [подр. см.: 34, с. 543–544].

Изложенные выше аргументы означают, что идеальный инструменталистский случай патерналистской политики как таковой можно смоделировать, исходя из того, что потенциальные выгоды для субъекта достаточно обоснованны, чтобы сделать невозможными никакие иные последствия, могущие привести к утрате индивидуальной свободы выбора. Автор также очерчивает три направления, по которым может быть введен идеальный инструменталистский случай патерналистской политики.

1. *Укрепление физического здоровья (самочувствия) подчиненных.* Физическое самочувствие существенным образом влияет на функционирование индивида. Поэтому такие направления, как обеспечение убежища (жилья), здравоохранение, обеспечение качественного питания, служат примерами инструменталистских эффектов правительственного патернализма.
2. *Расширение сферы выбора* путем стимулирования человека к поиску разнообразных вариантов решения проблем, реализации целей и т.п.
3. *Компенсация действия факторов импульсивных желаний, приводящих к неадекватным и необдуманным решениям.* Во-первых, правительство может противодействовать рекламным кампаниям, приводящим к возникновению у потенциальных потребителей импульсивного желания покупать определенную продукцию. Эту задачу можно реализовать путем предоставления объективной информации о том или ином продукте или путем запрета такой рекламы. Во-вторых, в жизни человека бывают такие ситуации, когда он не может проявить должную рассудительность при принятии решений. Например, решение работать в чрезвычайно вредных условиях может быть результатом глубокой экономической нужды. Здесь патернализм правительства должен проявляться в предотвращении подобных ситуаций [34, с. 558].

Кроме того, исследователь подчеркивает, что идеальный инструменталистский случай патерналистской политики предполагает три условия.

1. Наличие потенциальной выгоды для определенного социума, являющегося объектом патернализма, что предполагает взаимодействие индивидов данной общности и формирование общих предпочтений.
2. Способность правительства идентифицировать условия, при которых та или иная потенциальная выгода может быть реализована. Однако идеальный инструменталистский случай такой патерналистской политики можно объективно оценить лишь после реализации соответствующей политики, то есть тогда, когда намерения правительства можно сопоставить с предпочтениями индивидов.
3. Агрегирование индивидуальных выгод в достижения группового благополучия общности, к которой принадлежит индивид. При этом реальную выгоду группы можно расценивать как идеальный случай инструменталистского патернализма даже тогда, когда есть определенные представители этого социума, которые не могут рассчитывать ни на какие выгоды от указанной политики, но достижения тех, кто их имеет, превышают потери тех, кто не имеет никакой выгоды [34, с. 559].

Приводя аргументы, оправдывающие “твердый” патернализм, особенно в контексте инструменталистского случая патерналистской политики, исследователи утверждают, что когда лица, подлежащие патерналистскому вмешательству, добровольно соглашаются на это, в этом случае патернализм полностью оправдан. Здесь концептуальным и моральным основанием обоснования патернализма выступает теория *контрактуализма*, основной тезис которой заключается в том, что если агент осуществляет вмешательство с согласия подопечного, то первый не нарушает автономию последнего. Однако Т.М.Поуп считает, что такой подход уместен лишь в отдельных ситуациях. Аргументируя свою позицию, исследователь предлагает учитывать то, что согласие субъекта на опеку над ним может иметь разные формы. Среди них автор выделяет наиболее важные.

1. *Реальные формы согласия* (фактически проявляемые людьми, подлежащими воздействию “твердого” патернализма):
 - 1.1. *Согласие в контексте актуального момента*, то есть согласие подопечного на ограничение его действий, формирующееся в контексте уже осуществленной лимитации свободы.
 - 1.2. *Предварительное согласие*, которое предшествует ограничению действий подопечного.
 - 1.3. *Молчаливое (не высказываемое явно) согласие*, не персонифицированное, но присутствующее в социальном контексте в силу доминирования определенных групповых стереотипов и ценностей, которые разделяет субъект патернализма.
2. *Предполагаемые формы согласия*, которые могли бы проявиться при определенных условиях или обстоятельствах со стороны тех, кто подлечит “твердому” патернализму:
 - 2.1. *Предполагаемое согласие, которое должно быть выявлено после начала патерналистского действия*, то есть согласие, которое, с точки зрения агента, будет неизбежным ответом на лимитацию свободы подопечного.
 - 2.2. *Гипотетическое рациональное согласие*, то есть такая форма согласия, которая, согласно предположению агента, может проявиться со стороны подопечного после начала ограничения свободы, если он взвесит все аргументы “за” или “против” и согласится, что для патерналистского вмешательства имеется общезначимое рациональное основание.
 - 2.3. *Гипотетическое индивидуализированное согласие*, которое, по предположению агента, должен был бы проявить подопечный после начала ограничения его свободы, если он взвесит все аргументы “за” или “против”, учитывая его собственные жизненные потребности и планы.

По мнению Т.М.Поупа, из перечисленных выше форм согласия только две могут служить основаниями для оправдания “твердого” патернализма — реальное предварительное согласие и гипотетическое индивидуализированное согласие. Но существуют определенные ограничения в плане применения этих подходов на практике. Поэтому ученый предпочитает не оправдывать патернализм, базирующийся на согласии, а в контексте конкретной ситуации искать баланс между утратой свободы и выгодами в ре-

зультате реализации патернализма, что будет способствовать улучшению результатов патерналистской социальной политики [35].

Как отмечалось, патернализм вполне логично можно объяснить доминирующими в том или ином социуме *исторически сложившимися культурными моделями*. Наилучший пример — патернализм в функционировании крупных корпораций в современной Японии, где владельцы компаний заботятся о работниках как о членах своих семей, а те в ответ демонстрируют дисциплину и преданность. Устои такого патернализма заложены в модели традиционной японской семьи (известной со времен раннефеодального аграрного общества), где глава семьи или клана имел неограниченную власть над своими родными. Последствия реализации такой модели в отношениях между руководителями и рабочими в экономической сфере проявляются в личной лояльности подчиненных руководителям, взаимозависимости индивидов в рамках тесных связей общественных единиц и т.п. [36, с. 327].

На склонность к патернализму как особому виду социальных отношений может влиять взаимодействие разных характеристик менталитета представителей той или иной национальной культуры. Например, Э.К.Пеллегрини и Т.А.Скандура, изучая истоки экономического патернализма в современной Турции, установили, что его распространению способствовали определенные черты традиционной турецкой национальной культуры в контексте организационного поведения.

1. *Избегание неопределенных состояний*, то есть низкий уровень склонности к экономическому и организационному риску, нежелание как руководителей, так и подчиненных оказываться в угрожающих ситуациях.
2. *Большая мера дистанционности власти* (“расстояние”, на которое должна в вертикальном направлении распространяться прямая власть руководителя над подчиненными). В Турции в организациях практически нет формализованных горизонтальных взаимоотношений, тогда как высокая дистанционность власти позволяет подчиненным эффективно избегать неопределенных состояний. Здесь стратификация индивидов и групп сочетается с традиционным уважением к власти, престижу, статусу, благосостоянию и авторитету; в частности, социально-экономический статус является гораздо более важным фактором, чем, к примеру, пол.
3. *Низкий уровень уверенности в себе* подчиненных и руководителей. В силу этого турецкие руководители стараются выстраивать близкие отношения с подчиненными, избегая конфликтных ситуаций, а подчиненные, со своей стороны, также избегают обострений во взаимоотношениях с руководителями.
4. *Развитый коллективизм*. В коллективистских культурах, где общество поощряет и вознаграждает прежде всего коллективные действия, идентичности членов общности формируются преимущественно под влиянием групповых интересов. Турция принадлежит к коллективистским культурам со значительным уровнем дистанционности власти и низким уровнем уверенности в себе. Здесь коллективизм продиктован, в частности, принципами ислама (98,8% граждан составляют мусульмане, из них 90% — сунниты). Исламская общность формируется по модели семьи. Именно ислам как религия является фактором, объясняющим значительный уровень дистанционности власти и склонность к избеганию неуверенности.

5. *Ориентация на долгосрочные цели*, то есть преобладание ценностей, ориентированных на будущее, кропотливость и бережливость, готовность к инвестированию в инновационные проекты, в развитие, тогда как преобладание ценностей прошлого и текущего времени, уважение к традициям и групповым обязательствам определяют краткосрочную ориентацию [37, с. 265–266].

Таким образом, делают вывод Пеллегрини и Скандура, патернализм является частью традиционной турецкой культуры, где власть лидера по отношению к подчиненному безоговорочна. Традиция патернализма в Турции переплетена с традиционной военной концепцией лидерства, основанной на устойчивой иерархии между высшим и низшим чинами. Высокая иерархичность во взаимодействиях между высшими и низшими ступенями в современном турецком обществе поддерживается наследием Османской империи, имевшей высокоструктурированную бюрократию. Кроме того, по мнению авторов, патернализм в Турции подпитывается особенностями экономического развития страны, связанными с его неравномерностью [37, с. 267].

Что касается социальных отношений в рамках современных постиндустриальных обществ, то здесь важное место занимает так называемый *новый патернализм*, базирующийся на сочетании либерализма и новейшего, либертарианского консерватизма. Он распространен в западноевропейских странах, а также в США и Канаде. Новый патернализм как составляющая социальной политики направлен на реализацию программ поддержки благополучия (*social welfares programs*) тех слоев населения, которые не в состоянии сделать это сами — безработных, девиантных групп, лиц, оказавшихся за чертой бедности. Исходя из презумпции неспособности бедных к самодисциплине и личной ответственности, политика нового патернализма преследует цель заставить оказавшихся за чертой бедности приучаться к ответственности за себя, за свое будущее. Считается, что, приобретая эту способность, они начинают жить подобно остальным рядовым гражданам, а значит, с этого времени заслуживают доверия. Основным средством реализации этой цели является принудительный труд нуждающихся в опеке. Новый патернализм — это не государственная политика, а скорее гражданская инициатива, базирующаяся на деятельности частных субъектов, неприбыльных неправительственных организаций, формирующаяся в общественном секторе как составляющая негосударственных социальных программ. Вместе с тем он не нарушает прав, хотя стимулирует к обязанностям, комплементарным в отношении к правам.

Новый патернализм присутствует в социальных программах, призванных решать назревшие проблемы по следующим направлениям:

- уменьшение распространенности подростковой беременности и помощь несовершеннолетним, уже имеющим детей;
- поддержка детей, которых бросили родители; убеждение родителей “вернуться лицом” к брошенным детям;
- опека бездомных на основе формирования у них самоответственности;
- уменьшение масштабов распространения наркомании, реализация специальных программ для тех, кто хочет, но не может самостоятельно справиться с этой проблемой;
- помощь учащимся общеобразовательных школ в развитии своих способностей к обучению [38, с. 667–672].

Подводя итог, можно утверждать, что патернализм является феноменом традиционного общества, однако в определенных модификациях и даже в традиционных формах он до сих пор существует как в модерном, индустриальном обществе, так и в постмодерном, постиндустриальном, поскольку даже в новых общественных условиях остаются те или иные основания для его воспроизводства и функционирования.

Литература

1. Oxford Dictionary of Sociology / Ed. by J.Scott, G.Marshall. — Oxford; N.Y., 2005.
2. *Confucius*. The Analects / Tr. by A.Waley. — L.; Campbell, 2000.
3. History of Political Philosophy / Ed. by L.Strauss, J.Cropsey. — Chicago; L., 1987.
4. *Plutarch*. The Lives of the Noble Grecians and Romans / Tr. by J.Dryden, rev. by A.H.Clough. — Chicago, 1955.
5. *Bonald L de*. On Divorce / Tr. by N.Davidson. — New Brunswick, 1993.
6. *Weber M*. Staatssoziologie. — Berlin, 1966.
7. *Kuehnelt-Leddihn E von*. Liberty or Equality. — Front Royal, 1952 (1993).
8. *Lakoff G*. Moral Politics: What Conservatives Know That Liberals Don't. — Chicago, 1996.
9. *Lakoff G*. Moral Politics: How Liberals and Conservatives Think. — Chicago, 2002.
10. Політологічний енциклопедичний словник: Навчальний посібник для студентів ВНЗ. — К., 1997.
11. *Strong S.C*. Our 'One Big Family' Frame // Common Dreams NewsCenter. Breaking News & Views for the Progressive Community. — 2005. — February 2. — <http://www.commondreams.org/views05/0202-31.htm>
12. *Mill J.S*. On Liberty / Ed. by C.Shields. — Indianapolis, 1956.
13. *Arneson R.J*. Mill versus Paternalism // Ethics. — 1980. — Vol. 90. — № 4 (July). — P. 470–489.
14. *Berlin I*. Four Essays on Liberty. — Oxford, 1969.
15. *Fotion N*. Paternalism // Ethics. — 1979. — Vol. 89. — № 2 (January). — P. 191–198.
16. Morality and the Law / Ed. by R.Wasserstrom. — Belmont, 1971.
17. The Cambridge Dictionary of Philosophy / Ed. by R.Audi. — Cambridge, 1995.
18. *Hodson J.D*. The Principle of Paternalism // American Philosophical Quarterly. — 1977. — № 61. — P. 60–71.
19. Philosophy of Law / Ed. by J.Feinberg, H.Gross. — Encino, 1975.
20. *Feinberg J*. Legal Paternalism // Canadian Journal of Philosophy. — 1971. — № 1. — P. 105–124.
21. *Feinberg J*. The Moral Limits of the Criminal Law. — Vol. 1: Harm to Others. — N.Y., 1984.
22. *Feinberg J*. The Moral Limits of the Criminal Law. — Vol. 2: Offense to Others. — N.Y., 1985.
23. *Feinberg J*. The Moral Limits of the Criminal Law. — Vol. 3: Harm to Self. — N.Y., 1986.
24. *Feinberg J*. The Moral Limits of the Criminal Law. — Vol. 4: Harmless Wrongdoing. — N.Y., 1988.
25. The Penguin Dictionary of Sociology / N.Abercrombie, S.Hill, B.S.Turner. — L., 1994.
26. *Thaler R.H., Sunstein C.R*. Libertarian Paternalism // The American Economic Review. — 2003. — Vol. 93. — № 2. — P. 175–179.
27. *Wolfe C*. Liberalism and Paternalism: A Critique of Ronald Dworkin // The Review of Politics. — 1994. — Vol. 56. — № 4 (Autumn). — P. 615–639.
28. *Abercrombie N., Hill S*. Paternalism and Patronage // The British Journal of Sociology. — 1976. — Vol. 27. — № 4 (December). — P. 413–429.

29. *Dixon N.* Boxing, Paternalism, and Legal Moralism // *Social Theory and Practice*. — 2001. — Vol. 27. — № 2 (April). — P. 323–344.
30. *Gert B., Culver Ch.M.* Paternalistic Behavior // *Philosophy and Public Affairs*. — 1976. — Vol. 6. — № 1 (Autumn). — P. 45–57.
31. *Shiffrin S.V.* Paternalism, Unconscionability Doctrine, and Accomodation // *Philosophy & Public Affairs*. — 2000. — Vol. 29. — № 3 (Summer). — P. 205–250.
32. *Reeves R.* Even in a Truly Liberal Society, Paternalism Must Sometimes Prevail // *New Statesman*. — 2005. — № 134 (January). — P. 46–48.
33. *Zamir E.* The Efficiency of Paternalism // *Virginia Law Review*. — 1998. — Vol. 84. — № 2 (March). — P. 229–286.
34. *Burrows P.* Patronising Paternalism // *Oxford Economic Papers, New Series*. — 1993. — Vol. 45. — № 4 (October). — P. 542–572.
35. *Pope T.M.* Monstrous Impersonation: A Critique of Consent-Based Justifications for Hard Paternalism // *UMKC Law Review*. — 2005. — Vol. 73. — № 3 (September). — P. 681–713.
36. *Weiss L.* War, the State, and the Origins of the Japanese Employment System // *Politics & Society*. — 1993. — Vol. 21. — № 3 (September). — P. 325–354.
37. *Pellegrini E.K., Scandura T.A.* Leader-Member Exchange (LMX), Paternalism, and Delegation in the Turkish Business Culture: An Empirical Investigation // *Journal of International Business Studies*. — 2006. — Vol. 37. — № 2 (March). — P. 264–279.
38. *Schram S.F.* The New Paternalism // *Journal of Public Administration Research and Theory: J-PART*. — 1999. — Vol. 9. — № 4 (October). — P. 667–672.